* * *

Валерию Хатюшину

Мы пришли в этот мир
Из холодных квартир,
Где под примус скворчала
картошка,
Где за стенкою жил отставной
конвоир,
Всё приученный слушать
сторожко.
Где динамик хрипел от темна до
темна
И нигде его не выключали —
Вдруг внезапно объявят, что
снова война
И по радио выступит Сталин?..
Этот круглый динамик меня
одарил
Знаньем опер, столиц и героев.
Душу «Валенки» грели,
«Орлёнок» парил,
И танкистов-друзей было трое...
А Утёсов хрипел нам про шар
голубой,
Но мы знали — объявят тревогу,
И пойдём «на последний,
решительный бой»,
Так что, «смело, товарищи,
в ногу...»

А теперь ни динамиков нет,
ни святынь...
И давно нет в быту керосина.
Телевизор посмотришь:
«Нечистая, сгинь...»
Где был дух, там одна
Хиросима.
Слышу старых друзей голоса
из-под плит —
Им так больно, что мир
разворован!
И отрада одна — белый аист
летит
Всё же выше, чем каркает
ворон...

* * *

Узколицая тень всё металась по
стареньким сходням,
И мерцал виновато давно
догоревший костёр...
А поближе к полуночи вышел
отец мой в исподнем,
К безразличному небу худые
ладони простёр.

И чего он хотел?.. Лишь ступнёй
необутой примятый,
Побуревший листочек всё рвался
лететь в никуда.
И ржавела трава... И клубился
туман возле хаты...
Да в озябшем колодце звезду
поглотила вода.

Затаилась луна... И ползла из
косматого мрака
Золочёная нежить, чтоб снова
ползти в никуда...
Вдалеке завывала простуженным
басом собака
Да надрывно гудели о чём-то
своём провода.

Так отцова рука упиралась в
ночные просторы,
Словно отодвигая подальше
грядущую жуть,
Что от станции тихо отъехал
грохочущий «скорый»,
Чтоб во тьме растворяясь,
молитвенных слов не спугнуть...

И отец в небесах...
И нет счёта всё новым потерям.
И увядший букетик похож на
взъерошенный ил...
Но о чём он молился в ночи,
если в Бога не верил?..
Он тогда промолчал... Ну а я
ничего не спросил...

* * *

Шепоткам назло, глазам
колючим,
Недругам, что ждут невдалеке,
Я пишу на русском, на могучем,
На роднящем души языке.

Я пишу... И слышится далече,
Сквозь глухую летопись времён,
Исполинский рокот русской
сечи,
Звонниц серебристый перезвон.

И живот в бою отдав за друга,
Друг уходит в лучшие миры...
И по-русски просит пить
пичуга,
И стучат по-русски топоры.

И рождён родного слова ради,
Будет чист прозренья чудный миг,
Как слезинка кроткого дитяти,
Что стекла на белый воротник...

* * *

Догорала заря… Сивер выл над
змеистым обрывом,
Умерла земляника во чреве
забытых полян…
А он шёл, напевая… Он был
озорным и счастливым…
— Как же звать тебя, милай?..
И вторило эхо: «Иван…»

Он шагал через луг…
Чертыхаясь — несжатой
полоской,
Ну а дальше, разувшись,
по руслу засохшей реки.
— И куда ты, Иване? — Туда,
где красою неброской
Очарован, стекает косматый
туман со стрехи…

— Так чего тут искать? Это ж в
каждой деревне такое,
Это ж выбери тропку и просто
бреди наугад.
И увидишь туман, что с утра,
зародясь в травостое,
Чуть позднее стекает со стрех
цепенеющих хат…

Эх, какая земля! Как здесь всё
вековечно и странно!
Здесь густая живица в момент
заживляет ладонь.
Здесь токует глухарь… И родится
Иван от Ивана —
Подрастёт и вражине промолвит:
«Отчизну не тронь!»

Нараспашку душа… Да и двери
не заперты на ночь.
Золотистая капля опять замерла
на весу…
— Ты откуда, Иван? — Так
автобус сломался, Иваныч,
Обещал ведь Ванюшке гостинца…
В авоське несу…

* * *

«…что русский исход тяжелей,
чем еврейский исход…»
Надежда Мирошниченко

А время кричало в пустом и
безветренном поле,
Что русский исход тяжелей, чем
еврейский исход.
И аист кружил… Он в полёте
не думал о воле —
Не думает вовсе о воле
свободный народ!..

И что-то мешало идти и не
думать о бренном,
И что-то велело укрыться в своё
забытьё.
А это Россия торопко струилась
по венам,
В висках выбивая росистое имя
своё.

И что-то гудело в далёкой,
нехоженой чаще,
Да так, что казалось — вот-вот и
уже бурелом…
Но аист летящий, но аист
о чём-то кричащий,
Взрезал беспросветность своим
осторожным крылом.

И вроде светлело… Всё больше
являлось народу —
Следили за птицей, чубы к
поднебесью задрав.

И вброд перешли они стылую
чёрную воду,
Что в скользких обломках несла
очертанья держав.

И даль содрогнулась... И что-то
вдали заалело.
И плечи не гнулись под вечное:
«Мать-перемать...»
А тело болело... Да в венах
Россия гудела,
И в тромб собиралась, готовая
сердце взорвать...

* * *

Чуть курчавится дым от
воткнутой в салат папиросы,
Не идёт разговор... И не пьётся...
И мысли не в лад.
Все ответы даны... Остаются всё
те же вопросы:
«Что же делать теперь?..»
И конечно же: «Кто виноват?»

Да, характер таков у смурного
от жизни народа,
Всё: «Авось, перебьёмся...
Авось, доживём до поры...»
Будут мёд добывать, а себе
не останется мёда,
Воздвигают палаты, а хаты
кривы и стары.

Угорая в чаду, что дарит
позабытая вьюшка,
Всё боятся чего-то и вечен тот
давящий страх.
Но наутро из хаты — чуть свет!
— выбегает девчушка,
И сама, как росинка, и солнце
несёт в волосах.

И её узнают и деревья, и рыбы,
и птахи,
И листок золочёный всё тщится
в ладошку слететь...
Крикнет: «Папа, гляди!..»
И отцы забывают про страхи,
И шеломистый купол на храме
спешит золотеть.

Засочится смола вдоль недавно
ошкуренных брёвен,
Мужики пожалеют, что вечером
слабо пилось...
— Кто виновен? — спроси.
И ответят: «Никто не виновен...»
— А что делать-то нужно?
— Так выживем, людцы... Авось...

* * *

Время метаний... Основа основ.
Пусто и голо.
Вроде Микола стоит Лупсяков...
Як ты, Мікола?

Переступлю через снежный
сумёт,
Прошлое — рядом.
Толя Гречаников руку пожмёт:
«Што з перакладам?..»

От недовольных супружниц
тайком,
Ближе к вечерне,
С Мишей Стрельцовым пойдём
с коньяком
К Хведару Черне.

Гришка Евсеев, Володя Марук:
«Вып"ем і годзе...»
По корректуре размашисто:
«У друк!» —
Павлов Володя.

Небо нахмурилось, тени струя.
Стежечка в жите.
Где вы?.. В какие уплыли края?
Хлопцы, гукніце!..

А с поднебесья: «Ушедших — не
тронь!..» —
Грозно и строго.
Толькі валошка казыча далонь...
Цёмна... Нікога...

* * *

Первое августа. Завтра Илья.
Серым дождям ни конца,
ни начала.
Сохнет-не высохнет стопка белья,
Что накануне жена настирала.

Лето на позднем своём рубеже,
Сколько Илью ни зовите
Илюшей...
И поселяется осень уже
Первого августа в стылую душу.

Значит, мне старые книги
листать,
В небе выискивать светлые
пятна.
Значит, мне с птицами вдаль
улетать,
Точно не зная — вернусь ли
обратно?..

* * *

Что лучше — слава иль
безвестность?..
Я к лишним спорам не привык,
Мне мама — русская
словесность,
Отец мне — русский мой язык.

Так и живу в краю прозрений,
Где воинство — певучесть строк,
Где вся политика — Есенин,
А вся величественность — Блок.
Где словом жалуют на царство,
Где бессловесен пистолет,
Где слово — высшее бунтарство,
И жизнь, и музыка, и свет...

* * *

Отчество... Отечество... Отчизна...
Отчий дом, где шепчешь
«Отче наш»...
Родиной дыша, но ей не
признан,
Ты Отчизной взят на
карандаш...

Чтоб хромал безвестным по
перрону,
Как из детства выплывший
Антон —
Ногу из Антоновки Антону
Жизнь сожгла «антоновым
огнём».

Он твердил: «Маруся, ты —
царевна,
Отжалей рублишко на вино.
Станет враз на Родине душевно,
А пока бездушия полно...»

И качались чёрные берёзы
На крутом изломе сентября.
И хромал Антошка нетверёзый,
Об Отчизне трезво говоря.

Мчится время, подлостью богато.
Я же сну навязчивому рад,
Где Антошка шепчет виновато,
Что никто пред ним не виноват.

* * *

Три клёна — три калеки,
Копёнок череда.
Сюда, как в прошлом веке,
Не ходят поезда.

А что возить? Дорога
Одна на сорок вёрст.
Путь к фельдшеру... И к Богу —
Из хаты на погост.

Старик, бутыль припрятав,
На лавочке притих.
И нету адресатов
У писем заказных.

Всё было... Всё не ново
Для этих скудных мест:
Худой пастух, корова,
Понурый лес окрест.

И кто тебе ответит
Сквозь морось и сквозняк —
Чем кончится столетье,
Начавшееся так?..

* * *

Дождь сутки льёт... Ветрило в трубах воет,
Больное небо съёжилось в окне.
— Поговорим?.. Про искренность... — Не стоит,
Сегодня всё неискренно вдвойне.

Сегодня всё светло забилось в кокон
И спряталось под стёкла фонарей.
И ржавь листвы взлетает выше окон,
И за грудиной колет всё острей.

Такое время... Позабыть про лето
И помнить, что октябрь впереди,
Что не согреть того, что не согрето,
Когда под сердцем нудные дожди.

И ты себя не чувствуешь в покое
Под женским взглядом — робким, роковым...
— Поговорим?.. — Про что-нибудь другое,
Про искренность потом поговорим.

Когда замёрзнет морось на перилах
И без пальто не выскочишь уже,
Когда вокруг так холодно, так стыло,
Что сразу потеплеет на душе...